https://doi.org/10.31912/slova_konstrukzii_2021_267-282

А. А. Пичхадзе

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Жаль и родственные слова в оригинальной древнерусской письменности: семантика и дискурс*

А. М. Молдовану принадлежит глубокий анализ нетривиальной семантической эволюции существительного **обида** и других слов этого гнезда, которые играли особую роль в древнерусской письменности. В работах [Молдован 2007; 2011] показано, что они стали обозначать эмоцию лишь с XVIII в., а в средневековый период передавали идею нарушенного правового порядка, несправедливости, насилия, материального и физического ущерба, поражения, урона чести и т. п. Особенно широко указанные значения представлены в древнерусских памятниках [Молдован 2011: 453], поскольку соблюдение или нарушение установленного порядка и прав личности — ключевые темы не только юридических, но и летописных восточнославянских текстов, весьма актуальные также для эпоса. В Новое время **обида** и родственные слова начинают обозначать чувства человека, подвергшегося несправедливости или насилию, потерпевшего материальный или моральный урон. Таким образом, лексика, первоначально связанная с правовым полем и социальными отношениями, переходит в сферу эмоций и внутреннего мира человека.

А. М. Молдован задается вопросом, почему в древности **обида** не означает чувства, которое испытывает тот, кому нанесена обида, и склоняется к мысли, что эта сложная индивидуальная эмоция не была в достаточной степени типизирована и потому не фиксировалась древним дискурсом [Молдован 2007: 267]. Рискну предположить, что чувства, которые возникают при нарушении справедливого порядка и причинении насилия и ущерба, в древнерусском языке обозначались словом **жаль** и однокоренными производными.

---

* Статья подготовлена в ходе работы над проектом «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси», поддержанным РФФИ (№ 20-012-00241).

Их история во многом зеркально отражает эволюцию слова **обида** и родственных производных. **Жаль**, **жалити(си)**, **жаловати(си)**, **желѣти**, **желѧ** исходно обозначали сильную боль, о чем свидетельствуют их индоевропейские соответствия — лит. *gėlà* ‘жестокая боль, мучение, мука’, *gélti* ‘болеть; жалить’, д.-в.-нем. *quāla* ‘мука’, *quelan* ‘испытывать острую боль’, арм. *keł* ‘нарыв’ [Фасмер II: 35, 45; EWD 1348–1349]. В славянских языках слова этого гнезда имеют значения ‘душевная боль, скорбь’, ‘быть уязвленным, скорбеть’. Однако, в отличие от других синонимов (**горе**, **печаль**, **скърбь**, **моука**, **тоуга**, **тъска** и др.), **жаль** и родственные производные в древнерусских текстах обозначают эмоцию, которая не ограничена внутренним миром человека, но проявляется в действии и получает социальную манифестацию.

Существительное **жаль** в древности фиксируется в памятниках восточнославянского происхождения, а также — в значении ‘гробница’ — в Мариинском евангелии [ССЯ I: 591–592]. Из древнерусских летописей его используют самые ранние: Повесть временных лет, Киевская и Новгородская I летописи. Оно всегда выступает в роли предиката. Типичная ситуация, в которой употребляется существительное **жаль**, состоит в том, что его объект (обозначаемый родительным падежом) подвергается несправедливости или насилию и требует защиты, т. е. восстановления справедливости:

(1) Пока Святослав воюет на Дунае, печенеги осаждают Киев и чуть было не берут в плен его детей и мать Ольгу; киевляне обвиняют Святослава в пренебрежении своими обязанностями: **ты кнѧже чюжеꙗ ꙁемли ищеши и блюдеши. а своеꙗ сѧ ѡхабивъ. малы бо насъ не вꙁѧша Печенѣꙁи. мт҃рь твою и дѣти твои. аще(є) не поидеши ни ѡбраниши насъ. да паки ны воꙁмуть. аще ти не <u>жаль</u> ѡчины своеꙗ. ни мт҃ре стары суща и дѣтии свои(х)** ПВЛ [ПСРЛ I: 67]. Примечательны здесь слова **чюжеꙗ ꙁемли... блюдеши**: первейшая обязанность князя — «блюсти», т. е. хранить и защищать свою землю. В ответ на жалобу киевлян Святослав немедленно вернулся, собрал войско и прогнал печенегов;

(2) Воевода Ярослава насмехается над Болеславом, угрожая проткнуть его толстый живот палкой. Болеслав обращается к своей дружине, называя чувство, которое должен испытать объект такого оскорбления: **аще вы сего оукора не <u>жаль</u>. аꙁъ єдинъ погыну** ПВЛ [ПСРЛ I: 143]. С этими словами он устремляется с войском на Ярослава и обращает его в бегство;

(3) Святослав и Всеволод предупреждают Изяслава, что, если он нанесет Киеву большой ущерб, они будут считать его действия

противоправными: **аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити гра(д҃). то вѣси ꙗко нама жаль ѡтнѧ стола** ПВЛ [ПСРЛ I: 173];

(4) Мстислав Мстиславич обращается к новгородцам: **пришьлъ ѥсмь къ вамъ· слышавъ насилье ѿ кнѧзь· и жаль ми своѥꙗ оц҃ины** Новг. I лет.[1], л. 76. Новгородцы призывают Мстислава, он отправляется в Новгород и снаряжает войско на нарушителей порядка;

(5) Изгнанный новгородцами Ярослав со своим войском идет на Новгород, при этом прося помощи у татарского хана. Ему противостоит Василий Ярославич: **и се оучювъ кн҃зь василии ꙗрослави(ч҃). присла послъ в новъгоро(д). река та(к҃). <...> слышалъ ѥсмь аже ꙗрославъ идеть на новъгородъ. со всею силою своею. <...> жаль ми своѥꙗ оч҃инъ. а самъ поѣха в татаръ. <...> і възврати татарьскоую рать. тако рекъ ц(с҃)рви. новгородци прави. а ꙗрославъ виноватъ** Новг. I лет., л. 149. Василий прямо заявляет, что действия Ярослава противоправны;

(6) Владимир и Изяслав Давидовичи заявляют Изяславу Мстиславичу, что отложились от него потому, что он насильно удерживает их брата: **жаль бо ны есть бра(т҃) нашего держиши. игорѧ а ѡнъ оуже чернець и скимникъ. а поусти брата нашего а мы подлѣ тебе ѣздимъ** Киев. 127б:26;

(7) После военных действий Владимир и Изяслав Давидовичи, чьи слова процитированы в предыдущем примере, вместе с другими князьями просят у Изяслава Мстиславича мира и призывают его не держать на них обиды (**не жалоуи**) за то, что они ополчились против него, потому что он сам нанес им обиду насилием по отношению к их брату Игорю: **ны(н҃) же на на(с҃) про то не жалоуи. ѡже есмы оустали на рать. жаль бо ны есть бра(т҃) своего игорѧ** Киев. 133б:16;

(8) Великий князь Святослав Всеволодович негодует на Игоря Святославича за то, что он пошел походом на половцев втайне от него, однако скорбит о нем, узнав о его поражении и пленении: **ѡ всемь да како жаль ми бѧшеть на игорѧ. тако нынѣ жалоую болми по игорѣ. братѣ моемь** Киев. 225б:26. Ср. слова Святослава Всеволодовича в «Слове о полку Игореве»[2], из которых явствует, что он считал инициативу Игоря нарушаю-

---

[1] Новгородская I летопись цитируется по компьютерному набору, выполненному А. А. Гиппиусом и использованному в [НКРЯ].

[2] Цитируется по [Зализняк 2008].

щей должный порядок вещей: *О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте* 112.

Приведенные примеры дают хорошее представление о типе дискурса, в котором в ранних древнерусских летописях используется слово **жаль**. Оно тяготеет к перформативному употреблению (ср. особенно пример (3)) и появляется в прямой речи персонажей, которые высказывают свои претензии — обиду — за причиненное насилие, несправедливость или незаслуженный позор, как в примере (2). Соответственно, отсутствие этого чувства говорит о том, что субъект не усматривает нарушения справедливости, ср. единственный встретившийся в летописях пример с инфинитивом:

(9) **не жаль ми єсть ꙁа свою ꙁлобоу приꙗти ноужьнаꙗ всѧ. ихже єсмь приꙗлъ. аꙁъ** Киев. 226б:28 — Игорь Святославич признает, что претерпел свои беды по заслугам.

Жаль обозначает сильное чувство, которое не ограничено личной сферой; испытывающий его персонаж обычно предпринимает какие-то действия (бросается в бой, начинает войну или, как в примере (5), предотвращает её) или заявляет о том, что считает себя вправе их предпринять, как в примере (3). Это чувство очевидным образом не сводится к жалости, сочувствию; оно близко к досаде или даже негодованию и сопровождается ответом обидчику и борьбой за восстановление справедливого порядка вещей. Такое употребление характерно и для воинского эпоса, ср. контекст из «Слова о полку Игореве», где **жаль** заставляет героя броситься на защиту соратника в битве:

(10) *Игорь плъкы заворочаеть, жаль бо ему мила брата Всеволода* 69.

На первый взгляд, **жаль** означает ‘жалость, сочувствие’ в следующем контексте из Повести временных лет:

(11) **а сего чему не промыслите ѡже то начнеть ѡрати смердъ. и приѣхавъ Половчинъ оударить и стрѣлою. а лошадь ѥго поиметь. а в село ѥго ѣхавъ иметь жену ѥго. и дѣти ѥго. и все ѥго имѣнье. то лошади жаль. а самого не жал ли** [ПСРЛ I: 277].

Действительно, значение ‘жалость’ в чистом виде представлено в (11) в первом случае, когда речь идет о лошади, но во втором, когда речь заходит о крестьянине, семантика слова не исчерпывается ука-

занием на сочувствие. Князья должны защищать своих подданных, их сочувствие по отношению к крестьянам должно выражаться в действии. Речь Владимира призывает князей не к жалости, а к совместным действиям против половцев — выслушав её, князья отправляются в поход. Значение ‘жалость, сочувствие’ — как сугубо внутренняя эмоция — у слова **жаль** фиксируется редко, главным образом в церковнославянских памятниках, см. [СДЯ XI–XIV 3: 233].

Наряду с **жаль** в древнерусских текстах употребляются еще два существительных того же корня — **жалость** и **жалоба**, оба в значении ‘печаль, горе’, наиболее близком к исходному ‘душевная боль’. Оба встречаются в «Слове о полку Игореве», причем печаль, о которой здесь говорится, вызвана сочувствием к Игорю и его войску: *ничить трава жалощами* 74; *уныша цвѣты жалобою, и древо с(я) тугою къ земли прѣклонило* 199.

Однако в летописях существительное **жалость** приобретает другое семантическое измерение: оно обозначает скорбь по покойному:

(12) **и тако разидошасѧ. вси людиє. с жалостью великою** Киев. 108б:1 — после похорон Владимира Мономаха;

(13) **идоша с нимъ соуждалю къ ѿцю с жалостью** Киев. 125а:12 — о похоронах Иванка Юрьевича.

Таким образом, **жалость** сближается с **жаль** в том, что может обозначать чувство, проявляющееся в некотором социальном действии — траурном обряде. В примере (13) значения ‘печаль, скорбь’ и ‘траур’ невозможно разделить: речь идет о чувстве братьев и одновременно об обряде проводов покойного.

В то же время **жалость** используется в летописях для обозначения вербального выражения претензий по поводу нарушения правопорядка, т. е. жалобы на противоправные действия. Даниил, узнав о грабежах и усобицах галицких князей, посылает к ним своего стольника:

(14) **посла Ꙗкова столника своего. с великою жалостью. ко Доброславоу. гл҃ѧ к нимь. кнѧзь вашь азъ есмь. повелениꙗ моего не творите землю грабите** Гал. [ПСРЛ II: 789].

Семантика, присущая существительным **жаль** и **жалость**, представлена и у однокоренных глаголов. В летописях редко употребляется глагол **жалити(си/сѧ)** ‘печалиться, горевать’, в том числе по покойному (**ст҃ли же жалѧщеси плакахусѧ. по ст҃омъ и добромъ кн҃зи** Киев. 108а:24), и ‘жаловаться’ — он характерен в основном для цер-

ковнославянских текстов [СДЯ XI–XIV, 3: 229–230]. Можно отметить, однако, контекст из Галицкой летописи, в котором владимирцы досадуют на себя за то, что поверили ляхам, потому что ляхи нарушили присягу: **и жалѧхоусѧ Володимерци емше имъ вѣры и присѧзѣ ихъ** [ПСРЛ II: 720] ‘жалели владимирцы, что поверили им и их присяге’. Чаще в летописях встречаются приставочные образования **съжалитиси/ съжалитисѧ** и **пожалити(си)**.

Для обозначения обиды и негодования по поводу несправедливости и насилия в древнерусских летописях особенно охотно используется глагол **съжалитиси/ съжалитисѧ**. Иногда речь идет о военной агрессии и военном же ответе на неё:

(15) Святослав узнает, что печенеги чуть не взяли в плен его мать и детей. Контекст является продолжением примера (1): **цѣлова мт҃рь свою. и дѣти своꙗ. и съжалисѧ ѡ бывшемъ ѿ Печенѣгъ. и собра вои. и прогна Печенѣгы в поли** ПВЛ [ПСРЛ I: 67];

(16) **слышавъ великыи кнѧ(ж҃) Всеволодъ Гюргеви(ч҃)· <...> ѡже Ѡлговичи воюю(т҃) с пога[ны]ми· землю Рускую и сжалиси ѡ томь** Сузд. [ПСРЛ I: 429]. Князь собирает войско и идет на обидчиков;

(17) Болеслав напал на город своего брата Кондрата и подверг его полному разграблению: **посем же Кондратъ посла посолъ свои ко братоу своемоу Володимерови. жалоуꙗсѧ емоу ѡ своеи соромотѣ. Володимиръ же сжаливси и росплакавсѧ р(ч҃)е. послоу бра(т҃) своего. брате Бъ҃ рчи боуди ѿмѣстникъ. твоеи соромотѣ. а се ꙗ готовъ тобѣ на помочь. и нача наряживати рать** Вол. [ПСРЛ II: 883];

(18) **и сжалиси ѡ бывшемь. ѡже Болеславъ воевалъ его землю. и посла ко братоу своемоу Володимерови река. емоу тако брате сложимъ с себе соромъ сѣи пошли возведи Литвоу на Болеслава** Вол. [ПСРЛ II: 888]. Владимир посылает к литовцам, оба брата снаряжаются в поход.

Чаще всего этот глагол появляется в дискурсе, связанном с нарушением справедливости. Как правило, и в таких ситуациях тот, кому нанесена обида, отвечает обидчику с оружием в руках:

(19) **гюрги же в соромѣ сн҃а своего сжаливъ собѣ р(ч҃)е тако ли мнѣ части нѣтоу в роускои земли** Киев. 136б:17. С этими словами Юрий идет войной на обидчиков;

(20) **и слышавъ ѡц҃ь ѥго сжалиси река· тако ли мнѣ нѣту причастьꙗ в ꙁемли Русстѣи· и мои(м҃) дѣтемъ· и совкупивъ дружину свою и воѣ и Половцѣ. надѣꙗсѧ на Ба҃. и поиде** Сузд. [ПСРЛ I: 321];

(21) **поиди кнѧже хочемъ тебе· и слышавъ же се Изꙗславъ сжалиси· и поиде с дружиною своею** Сузд. [ПСРЛ I: 313] — Изяслав выступает походом против Игоря, который занял Киевский стол — не по праву и против желания киевлян;

(22) **Король ѿѧ Перемышль. ѿ Лестька Любачевъ. Лестько же сжалиси ѡ срамотѣ своеи. и посла к Новоугородоу по Мьстислава. и реки брать ми еси. поиди и сѧди в Галичѣ Мьстислав же поиде на Галичь. <...> Мьстиславъ седе в Галичи** Гал. [ПСРЛ II: 731];

(23) Рогнеда-Горислава собирается заколоть обесчестившего её Владимира. Когда он хватает её за руку, она объясняет мужу-насильнику свои действия тем, что он надругался над ней и её родными: **сжалиласи бѧхъ· ꙁане ѡц҃а моѥго ѹби· и ꙁемлю ѥго полони мене дѣлѧ· и се нынѣ не любиши мене и съ младенце(м҃) симь** Сузд. [ПСРЛ I: 300];

(24) Давыд клевещет Святополку на Василька, напоминая Святополку, что Василько убил его брата и теперь якобы злоумышляет на самого Святополка. Мысль об убитом брате уязвляет Святополка: **Ст҃ополкъ же сжалиси по братѣ своє(м҃)** ПВЛ [ПСРЛ I: 257]. Он присоединяется к заговору против Василька.

На фоне этих контекстов нужно рассматривать и (25), где глагол **съжалитиси** имеет неожиданный объект **слоужьба**; его неодушевленность указывает на то, что речь идет не о сочувствии. Князь Юрий Львович жалуется князю Владимиру на обиды со стороны отца и надеется, что Владимир оценит его верную службу по справедливости и, памятуя о ней, окажет помощь:

(25) **Бъ҃ вѣдаеть и ты како ти есмь слоужилъ со всею правдою. своею имѣл тѧ есмь аки ѡц҃а собѣ а бы тобѣ сжалилосѧ. моее слоужбы. а нынѣ г(с҃)не ѡц҃ь моѝ. прислалъ ко мнѣ. ѿнимаеть оу мене городы. что ми былъ далъ** Вол. [ПСРЛ II: 911].

Глагол **съжалитиси** в сходных контекстах употребляется и в древнерусских переводных памятниках — например, в Александрии, где его греческим соответствием является ἀγανακτῆσαι ‘разгневаться’: **брань въставлю на нь, доѝдеже мѝщю собѣ. достоино оубо есть и тобѣ**

сжалитиси, **ѡ нихъже пострадахъ, мьстити мою срамотоу, помѧноувше правду ѿць нашихъ** 68 [НКРЯ].

В других типах дискурса в летописях реализуются другие значения этого глагола: ‘пожалеть, посочувствовать’ (**съжалиси ѡ погыбели людьстѣ** Киев. 175а:9, то же Сузд. [ПСРЛ I: 347] и мн. др., ср. [СДЯ XI–XIV, 12: 380]) или ‘огорчиться, досадовать’ (**и сжаливъси. ꙗко без него пренесѧть** [в др. сп. **преносѧть**] **и** [тело Феодосия]. **всѣдъ на конь вборзѣ поѣха** ПВЛ [ПСРЛ I: 210]), широко распространенные в церковнославянских памятниках [СДЯ XI–XIV, 12: 379–380]. Обозначает этот глагол и скорбь по умершему:

(26) **Оумре кнѧзь великии Лѧдьскыи Кондратъ. иже бѣ славенъ и предобръ. сожалиси по немь. Данило и Василько** Гал. [ПСРЛ II: 810];

(27) **ѡнъ же нача повѣдити. кнѧзь Льстко. мертвъ. Володимиръ же сжаливоси. и росплакасѧ по немь** Вол. [ПСРЛ II: 909].

Глаголы **пожалити** и **пожалитиси** употребляются похожим образом, но менее активно. Значение ‘обидеться’ представлено не только в летописном дискурсе — ср. в Поучении Ильи XII в. по сп. XV в.: **не моѹите на мѧ пожалити чи кого сѧ годило коли ѡзлобїти слово(м)** 184:12 [НКРЯ]. Однако в летописном повествовании ощущение несправедливости, нарушенного порядка обычно является фокусом эпизода и в силу этого приобретает более острый характер, сближающий эту эмоцию с негодованием:

(28) **тъгда же на сборъ оубиша проусї овъстрата· и снъ ѥго лоуготоу· и въвьргоша и въ грѣблю мьртвъ· кнзь же о томь пожали на новгородцѣ** Новг. I лет., 81;

(29) **и пожалиси велми ѡ томъ словѣ. стославъ ѡже ємѹ повѣдѣ ґеѡргии** Киев. 179а:20. Георгий передал Святославу требования его брата Изяслава, которые кажутся Святославу несправедливыми и нарушающими крестное целование;

(30) **а кыєвъ вы не надобѣ и ѡлговичи же сдоумавше и пожалиша себе. рекше ко всеволодоу ажь ны єси вмѣнилъ кыєвъ. тоже ны єго блюсти подъ тобою. И подъ сватомъ твоимъ рюрикомъ. то в томъ стоимъ. ажь ны лишитисѧ єго велишь ѿиноудь то мы есмы не оугре ни лѧхове. но єдиного дѣда есмы вноуци** Киев. 237в:19–20.

Поэтому неудивительно, что в летописных контекстах чувство обиды обычно становится причиной военных действий против

обидчика. В примере (34) это чувство приводит Добрыну в состояние ярости:

(31) Ярослав Черниговский узнает, что Всеволод и Давыд жгут его волость: **ꙗрославъ собравъ. братью свою. и сдоумавъ с ними. пожали зємли своєꙗ** <...> **а самъ єха противоу всеволодоу. и двдви совокоупивъ братью свою. и снвцѧ своꙗ. и дикыи половци** Киев. 240а:31;

(32) Мстислав Изяславич убеждает братьев наказать половцев за их враждебные вылазки: **братье. пожальтеси ѡ рускои зємли. и ѡ своеи ѿцинѣ и дѣдинѣ. ѡже несуть хр(с)тьꙗны на всꙗко лѣто оу вежѣ свои. а с нами роту взимаюче всегда переступаюче** Киев. 192а:29. С этими словами он выступает в поход против половцев;

(33) **и пожалишаси велми. ростиславичи. ѡже ихъ лишаєть руськои зємли** Киев. 202в:6. Собравшись, Ростиславичи захватывают Киев и сажают на престол Рюрика, который должен был там сидеть по справедливости;

(34) Владимир и его воевода Добрына мстят за слова Рогнеды-Гориславы, не пожелавшей идти замуж за Владимира, потому что он сын рабыни: **слышавше же Володимеръ разгнѣвасѧ ѡ тои рѣчи ѡже р(ч)е не хочю ꙗ за робичича· пожалиси Добрына и исполнисѧ ꙗрости· и поємше вои идоша на Полтескъ· и побѣдиста Роговолода** Сузд. [ПСРЛ I: 300].

Наконец, довольно частотны в древнерусских памятниках глаголы **жаловати(сѧ)** и **пожаловати(сѧ)**. Они имеют те же значения, что и уже рассмотренные слова гнезда **жал-**, но значение ‘обида’ у них фиксируется редко, зато вербальное значение ‘жаловаться’, которое у глагола **жалитисѧ** представлено преимущественно в церковнославянских текстах, отмечается в летописях часто. Вот редкие контексты, в которых можно усматривать характерное для слов этого гнезда значение обиды на несправедливость и насилие:

(35) **и посла Володимеръ к брату· повѣдаꙗ оубиство Игорево· и печаленъ бы(с) Изѧславъ· и жаловашесѧ на Кыꙗны** Сузд. [ПСРЛ I: 318];

(36) **ꙗ на Литвоу не жалоую(с) ѡже мѧ воева(л). немирникъ мои. а воевал мѧ тако и горазд. но на тѧ жалоую. а Бъ. боуди по правомъ. тъ то расоудить. межи нами. и ѿселѣ зaратишасѧ** Вол. [ПСРЛ II: 864];

(37) **бра(т҃)ꙗ же вси пожаловаша на мьстислава. ѡже оутаивъсѧ ихъ пусти в наворопъ** Киев. 193а:6;

(38) **пожалова на нь. ꙁанеже чим сѧ бѧшеть ємоу ѡбѣчалъ. и того не исполнилъ** Киев. 240г:22.

Гораздо чаще встречаются контексты, в которых затруднительно определить, идет ли речь об обиде или о вербальном выражении претензий. Например:

(39) **аже не вдасть то не жалуите что сѧ оудѣєть то вы виновати. то на васъ буди кровь** Киев. 110в:14 и т. п.

В то же время имеются многочисленные несомненные примеры вербального значения ‘предъявлять претензии, жаловаться’, в том числе в юридических текстах — договорах Руси с греками:

(40) **кому до мене ѡбида. и ѿвѣща кму Володимеръ ты кси прислалъ к на(м҃) хочю братьꙗ прити к ва(м҃). и пожаловатисѧ своєꙗ ѡбиды. да се кси пришелъ и сѣдишь с бра(т҃)єю своєю. на ѡдино(м҃) коврѣ. то чему не жалуєшьсѧ до кого ти на(с҃) жалоба** ПВЛ [ПСРЛ I: 273];

(41) **дружина. приѣꙁдѧче к нему жаловахоуть. что твориши кн҃же и поєди кн҃же прочь** Киев. 141в:23;

(42) **аще оукраде(н҃) боу(д)ть челѧдинъ Роу(с҃)кыи. или оускочи(т) или по нѹжи прода(н҃) боу(д)ть. и жаловати начноу(т) Роу(с҃). покажеть(с҃) таковое ѿ челѧдина. и да поимѹть [и] в Роу(с҃). но и гостиє [аще] погоубиша челѧдинъ. и жалѹють да ищю(т)** ПВЛ [ПСРЛ I: 36] и др.

У этих глаголов есть также значения ‘скорбеть’ (**да како жаль ми бѧшеть на игорѧ. тако нынѣ жалоую болми по игорѣ. братѣ моємь** Киев. 225б:27), в том числе по умершему (**и присла к немоу рюрикъ сватъ. жалоуꙗ про нь. ꙁане бѣ моужь дерꙁъ и надобенъ в роуси** Киев. 231г:21), и ‘жалеть, сочувствовать’ (**ни соуда би҃ꙗ помнѧще. ни жалоующе своєꙗ бра(т҃)ꙗ. пограбиша чюжаꙗ імѣниꙗ** Новг. I. 157 об.). Кроме того, у **жаловати** имеется значение ‘ревностно относиться, проявлять рвение’, возникшее из ‘испытывать душевную боль, болеть за кого-л./что-л.’ и объединяющее в себе семантические компоненты значений ‘печалиться’ и ‘жалеть, сочувствовать’. В летописях оно не зафиксировано, но его можно обнаружить в древнерусском церковнославянском переводе «Истории Иудейской войны»: **а нѣ(с҃) кто жалѹѧ ѡ бг҃ѣ съ мною** [ИИВ I: 248]. Существительное **жалость**

‘рвение’, известное старославянскому языку [ССЯ I: 591], употребляется в «Слове о полку Игореве»: *Спала князю умь похоти и жалость ему знаменіе заступи — искусити Дону Великаго* 12.

К гнезду слова **жаль** принадлежат также употребляющиеся в оригинальных древнерусских памятниках два слова с другой — краткой — ступенью чередования: **желѧ** ‘скорбь’ и **желѣти** ‘скорбеть’[3]. Первое слово, известное прежде всего по церковнославянским текстам, реконструируют вместо реально засвидетельствованного в издании *жля* в тексте «Слова о полку Игореве», где оно служит названием олицетворения скорби — очевидно, скорби по убитым, траура: *ж<е>ля поскочи по Руской земли* 81. Для этого слова предполагают также значение ‘жертва’ на основании контекста из статьи о грехах в Великих Минеях четьих XVI в.: *желя роду и рожаницамь: по Рожествѣ в понеделок муку варити святѣи Богородици* [Вершинин 2019: 44, 46]. Возможно, здесь имеется в виду обряд умилостивления; его название могло развиться из ‘вызывать к себе сочувствие’ > ‘умилостивлять’, ср. выражение **милъ сѧ дѣꙗти** ‘умолять (о милости, сочувствии)’ [СДЯ XI–XIV, 4: 534].

Второе слово — глагол **желѣти** — 4 раза встречается в Пространной редакции Русской Правды в значении, которое в [СДЯ XI–XIV, 3: 244] определено как ‘лишиться чего-л., проститься с чем-л.’, а в [СРЯ XI–XVII, 5: 84] — как ‘испытывать сожаление по поводу утраты чего-л’. Глагол использован в статьях 32 (*О татбѣ*) и 35 (*О сводѣ же*). В статье 32 предписывается:

(43) **Паки ли будеть что татебно купилъ в торгу <...> аже начнеть не ꙁнати оу когѡ купилъ, то <...> истьцю своѥ лице взѧти. а что с нимь погибло. а тогѡ ѥму желѣти. а оному желѣти своихъ кунъ. ꙁане не ꙁнаеть оу когѡ купивъ. пѡꙁнаѥть ли надолꙁѣ оу когѡ то купилъ. то своѣ куны возметь. і сему платити что оу негѡ будеть погибло** Мерило Праведное (РГБ, ф. 304.I, № 15, XIV в., л. 335);

(44) То же повторяется в статье 35: **истьцю лице взѧти. а прѡка ѥму желѣти. что с нимь погибло. а оному своихъ кунъ желѣти**. Мерило Праведное, л. 335 об.

В статье 32 говорится, что если человек купил краденое и заявляет, что не знает, у кого купил, то истец (у которого было украдено это имущество) забирает то, что наличествует у покупателя краденого,

[3] Омонимичный глагол **желѣти** ‘желать’ и его суффиксальный вариант **желати** не связаны с гнездом **жаль**, см. [Фасмер II: 40].

а всё остальное, что было украдено у истца, истец должен **желѣти**; купивший же краденое должен **желѣти** свои деньги, потому что он не знает, у кого купил товар. Если же спустя какое-то время он опознает того, у кого купил, то вернет свои деньги и оплатит истцу то, что у него пропало. Значение глагола **желѣти** здесь не вполне ясно. Очевидно, однако, что юридический текст не предписывает, какие эмоции должен испытывать пострадавший. Поэтому М. Н. Тихомиров [1953: 94] совершенно справедливо утверждает, ссылаясь на мнение П. П. Епифанова, что значение ‘жалеть’ здесь неуместно и что глагол указывает на право потерпевшего вести дальнейшие розыски. Действительно, истец должен заявить обо всем, что у него украдено, а купивший краденое должен заявить, сколько он заплатил вору, чтобы в случае, если вор будет опознан, иметь основание получить своё. Поэтому логично предположить, что **желѣти** в Русской Правде — юридический термин, означавший ‘заявить о пропаже, о материальном ущербе’. Вербальные значения в гнезде **жал-/желвполне регулярны, как можно убедиться на примере слов **жалость**, **жалитисѧ** и **(по)жаловатисѧ**.

Итак, слова гнезда **жал-** объединяет исходное значение ‘испытывать душевную боль’, которое легко модифицируется в зависимости от контекста, трансформируясь в более специальные значения ‘печалиться, горевать (в том числе по умершему)’, ‘жалеть, сочувствовать’, ‘переживать, болеть за кого-л./что-л., ревностно относиться’, ‘переживать обиду — насилие, несправедливость, оскорбление’, ‘высказывать обиду, претензии’. Провести грань между этими значениями часто бывает непросто; они могут сосуществовать как компоненты семантики слова, и лишь контекст поляризует её, концентрируя фокус на той или иной составляющей. Например, в контексте из Киевской летописи **кн҃зь же андрѣи жалуꙗ комоньства его повелѣ и погрести надъ стыремъ** 142б:12 у глагола **жаловати** можно предполагать значения ‘сочувствовать, жалеть’, ‘скорбеть’, также, видимо, ‘участвовать в траурных обрядах’; кроме того, князь хоронит коня с почестями, памятуя о его замечательных боевых качествах (**комоньство**), — значит, здесь уже просматривается значение ‘воздавать должное, жаловать, оказывать расположение’, которое впоследствии развивается у глагола **жаловати**[4]; ср. пример (25).

[4] Приписывание этого значения глаголу **жаловати** в контексте из Волынской летописи в [СДЯ XI–XIV, 3: 231] ошибочно.

Отличительной особенностью гнезда **жал-** является способность входящих в него лексем обозначать эмоцию, имеющую социальные проекции. Наиболее ярко это проявляется при обозначении чувства обиды, поскольку оно связано с недопустимым с точки зрения общепринятого социального порядка поведением обидчика. Переживание обиды может — и в ряде случаев должно — выливаться в активные действия, часто — с оружием в руках. Безусловно, социальным действием является и высказывание претензий, благодаря чему лексемы гнезда **жал-** находят применение не только в летописях, но и в договорах с греками и Русской Правде. Социальным актом, несомненно, был и траур по покойному, подразумевавший комплекс соответствующих обрядов[5]. Наконец, значение ‘жаловать, оказывать милость’ также связано с социальной сферой.

Жаль и **обида**, как и родственные им слова, были ключевыми для древнерусского дискурса, связанного с идеей справедливого устройства отношений в социуме. Не случайно лексемы гнезда **жал-** соседствуют в летописях с другими словами, относящимися к теме нарушения справедливости и социальных обязательств, а также способам восстановления справедливости: **правъ**, **виноватъ**, **насилие**, **ꙁъло-ба**, **оукоръ**, **соромъ**, **соромота/срамота**, **часть**, **причастие**, **лишитисѧ**, **отмьстьникъ**, **расоудити**, **рота**, см. примеры (2), (4), (5), (9), (17)–(20), (22), (30), (36), (39). Отмечу еще пример (40), в котором (**по**)**жаловатисѧ** и **обида** употреблены вместе. Этот дискурс, помимо юридических памятников, был актуален для летописей XI–XIII вв., основное содержание которых составляет описание взаимоотношений между князьями, прежде всего — постоянных конфликтов и способов их разрешения. В летописном дискурсе довольно расплывчатая семантика слов гнезда **жал-**[6] поляризуется таким образом, что на первый план выдвигается их способность обозначать чувство обиды из-за нарушенной справедливости и/или урона чести, в то время как в назидательных и прочих типах дискурса, характерных для церковнославянской письменности, актуализуется прежде всего семантика печали/огорчения и жалости/сочувствия. В эпосе реализуются обе семантические составляющие. Для юридического дискурса ожидаемым образом первостепенным становится значение, связанное с фиксацией ущерба и вербализацией претензий потерпевшего, важное также для летописей.

---

[5] Об использовании слов гнезда *жаль* применительно к похоронным обрядам в славянских языках см. [Плотникова 2012].

[6] О семантике слов этого гнезда в славянских языках см. [Толстая 2012: 274–276].

Анализ круга значений слов гнезда **жал-** служит иллюстрацией того, как дифференцируется семантика слова, как происходит специализация его значений под воздействием разных типов дискурса, каждый из которых решает свои задачи и в соответствии с ними использует «семантический потенциал слова» (см. [Кагарлицкий 2019: 157], как «понятие в известном смысле порождается потребностями дискурса, данной дискурсивной формы» [Там же: 121]. Понятие чувства обиды как острой реакции на насилие, несправедливость и оскорбление, требующей обязательной сатисфакции, сформировалось у **жаль** и других слов этого корня в древнерусском летописном дискурсе, сфокусированном на описании взаимоотношений русских князей. С исчезновением этого дискурса ушло и значение чувства обиды у слова **жаль** и родственных ему производных.

Источники и словари

Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, доп. М., 2008.

ИИВ I — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (http://www.ruscorpora.ru) [Электронный ресурс].

ПСРЛ I — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ II — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

СДЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–12–. М., 1988–2019–.

СРЯ XI–XVII, 5 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.

ССЯ I — Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Т. I. СПб., 2006 (= Slovník jazyka staroslověnského. I. Praha, 1966).

Тихомиров 1953 — *М. Н. Тихомиров*. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

Фасмер II — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.

Киев. — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.

EWD — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Unter der Leitung von W. Pfeifer. Berlin, 1989.

Литература

Вершинин 2019 — *К. В. Вершинин*. Обличение рожаничной трапезы в древнерусской книжности: новые данные // Восточная Европа в древности и средневековье. XXXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–19 апреля 2019 г. Материалы конференции. М., 2019. С. 42–46.

Кагарлицкий 2019 — *Ю. [В.]* К*агарлицкий*. *Fortitudo* схоласта и *fortitudo* гуманиста: опыт изучения изменений конструктивной роли понятия // Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики. М., 2019. С. 118–158.

Молдован 2007 — *А. М. Молдован*. Семантическая эволюция *обиды* в современном русском языке // Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой. М., 2007. С. 263–272.

Молдован 2011 — *А. М. Молдован*. Древнерусское **обидѣти** ‘победить’ // Библеистика. Славистика. Русистика. К 70-летию зав. кафедрой библеистики проф. А. А. Алексеева. СПб., 2011. С. 449–457.

Плотникова 2012 — *А. А. Плотникова*. Славянское **žalěti* (**želěti*): ‘скорбеть’ и ‘голосить’ // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М., 2012. С. 281–295.

Толстая 2012 — *С. М. Толстая*. *Желать* и *жалеть*: этимология и семантика // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М., 2012. С. 268–280.